

Медведев Павел Михайлович

16+

Замполит

Проклятый путь

Павел Михайлович Медведев

Замполит. Проклятый путь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66898078

SelfPub; 2021

Аннотация

Действие первой повести из серии "Проклятый путь" разворачивается в нулевые годы на Северном Кавказе и повествует об особенностях службы и выживания в пехоте, глазами младшего офицера, призванного в армию после военной кафедры.

Павел Медведев

Замполит. Проклятый путь

Глава I

Воинский призыв 2005

В понедельник 13 сентября 2004 года раним промозглым утром мне предстоял визит в военный комиссариат по месту жительства. Получение военного билета после окончания военной кафедры, какие обычно бывали при гуманитарных ВУЗах и последующая военная служба в лейтенантских погонах, открывала для меня перспективы личной и материальной независимости и карьерного роста. Казалась радужной и волнительной, сулила новые впечатления, переезды, командировки, но и трудности уставной жизни в гарнизонах, в общежитиях, в палаточных городках, в полевых условиях на время учений. Поэтому меня переполняли смешанные чувства, как неопытного рыбака, уходящего в дальнее плавание по неизученному маршруту, да ещё и с незнакомой командой.

Воздух был по-осеннему свеж, листва только подернулась желтизной, но первые дожди омрачали и без того моё смур-

ное настроение. Личное дело моё было в порядке, все автобиографические данные уточнены, требовались только фотографии на военный билет. Впрочем, я думал, что выдадут удостоверение личности, но его выдают непосредственно в войсковой части с указанием занимаемой должности.

Пройдя охрану на входе, я вошёл в кабинет и рапортовал:

– Здравствуйте, прибыл для получения военного билета!

– Заходите, очередная партия выпускников – ответил начальник 2-го отделения по офицерам запаса, – ваш однокурсник, уже служит по контракту в нашем округе!

– Знаю, по-моему, только он один – отозвался я.

– Сейчас есть вакансии в Закавказский гарнизон, в городе безработица, вы как? Вы намерены, служить по контракту? – спросил он.

– Я бы хотел служить, но это на пять долгих лет?

– Да, контракт офицерам на пять лет, зато выслуга там год за два.

– А как же призыв? – возразил я.

– Плана призыва пока нет, надумаете подписать контракт – нужно будет собрать ещё документы, характеристику с места жительства, копии паспортов родителей, сестер, братьев и медкомиссию пройти, еще тесты, в общем, зайдите на следующей неделе – с этими словами подполковник, просматривавший свои текущие бумаги, направил меня к секретарю, молодой женщине, заполнявшей мою учетную карточку.

– Так, Лосев Павел Николаевич, – сказала она приятным

ГОЛОСОМ,

– Да я, билет уже готов?

– Ваш рост, окружность головы? – спросила она, отрывая последнюю страницу военного билета.

– Рост мой метр восемьдесят, окружность 57 сантиметров – ответил я.

– Размер противогаза, видимо, второй, а обмундирования – сорок восьмой и четвертый рост... – медленно произнесла она.

– Угадали – спокойно ответил я.

– Остался размер обуви?

– Сорок один с половиной...

– Я запишу сорок второй – только она дописала, как вдруг ее отвлекла коллега – Галя, документы на Кононенко из госпиталя пришли...

– Вы сказали, Кононенко? А имя Вячеслав?

– Да, прапорщик Кононенко погиб... Вы его знали? – она отвлеклась на телефонный звонок.

– Это мой сосед – несвязно ответил я и вышел из кабинета.

Военный билет был на руках, но особой радости это обстоятельство не доставило, как при получении диплома. Сложно было поверить в это, когда живешь в соседних подъездах и растешь вместе, испытываешь особое отношение к человеку, словно к родственнику. Он был старше меня на пару лет и остался служить, как раньше говорили, на сверх-

срочную. Именно туда мне и предложили убыть, после подписания контракта.

Это был знак, не предвещающий ничего хорошего, несмотря на заманчивую льготную выслугу лет, год за два. Не все так спокойно было в том регионе – чужая страна, другие традиции. Да и русскому человеку в чужом краю без знакомств и связей пришлось бы нелегко. Я твердо решил для себя ждать плана призыва на военную службу. И пусть если это рулетка, то крутить ее буду не я, куда направят власти, как карта ляжет – туда мне и дорога.

Этими рассуждениями я успокаивал сам себя после поминок друга детства. Вечная ему слава – Вячеславу, ведь имя его так и расшифровывается, поймал я себя на мысли. Смерть его была предсказуема от инсульта, поскольку сначала он травмировал головной мозг в результате несчастного случая. А после принимал психостимулятор под названием «Синднокарб», который и нашли среди его личных вещей. Когда я консультировался со знакомым врачом, то выяснил, что побочным эффектом этого препарата является бессонница и при длительном приёме – истончение сосудов головного мозга. А разрыв их как раз и приводит к геморрагическому инсульту с летальным исходом. Впрочем эта информация из разряда медицинских тайн, которые не найти в справочниках по фармакологии.

Очередных вестей из военкомата пришлось ждать до января, осень тянулась невероятно долго. За это время по со-

вету матери, также огорчившейся гибелью соседа, я попытался устроиться в правоохранительные органы. Но в последний момент вышел приказ Министра Обороны и директора Генштаба с указанием – офицеров запаса после военной кафедры не брать в другие ведомства без прохождения военной службы по призыву. В армии была нехватка кадров, комплектация вооруженных сил офицерами никогда не была стопроцентной, но в текущий момент недобор в нашем южном округе составлял почти половину. Оставалось только ждать, подрабатывая курьером и расклеивая объявления в агентстве недвижимости, где работала риелтором моя мама, Зинаида Генриховна. Другой подходящей временной работы в городе не было. Еще был вариант торговать косметикой и бытовой химией, который я сразу отверг, после неудачного пробного рабочего дня.

В январе была пройдена медкомиссия, отступить было поздно, как более старшим по возрасту запасникам. Они жаловались на здоровье и служить не хотели не столько из боязни армии, сколько из нежелания менять стабильную трудовую деятельность в частных фирмах. А другие бросать жену и детей и скитаться по общежитиям, казармам и съемным квартирам. Им проще было лечь в больницу и по состоянию здоровья дотянуть до своего 27-летия, когда на службу по закону призывать уже не имели право.

В феврале с меня сняты были отпечатки пальцев. Дактилоскопическая регистрация была новым необходимым усло-

вием для службы, всех нужно было подсчитать и идентифицировать на всякий пожарный случай.

В марте, получив предписание убыть в штаб округа, я выслушал последние напутствия своей маман:

– Надо было, сынок, тебя устроить учителем в сельскую школу, через свою знакомую в администрации, получил бы освобождение от армии – сетовала она.

– Мам, история мне порядком поднадоела за пять лет учебы и ты же знаешь, ставка учителя истории это же копейки, а довольствие военнослужащего подняли, благодаря всяким надбавкам, пайковым, командировочным, полевым – возражал я – Не расстраивайся, это всего два года, заработаю денег, да и потом это мой долг.

– Сын, будь осторожен, возьми с собой пояс с молитвой, бабушка передала. Псалом будет оберегать тебя от опасности и помни мы с тобой потомки русско-немецких аристократов, а по отцу твои предки донские казаки, честь мундира береги, никого не предавай, не интригуй, будь осторожен в высказываниях, ни с кем не конфликтуй. Питайся хорошо, на здоровье не экономь...

– И ещё, главное, если какое происшествие – звони, есть у моей сестры свекра старший сын, служит подполковником в главной военной прокуратуре, это единственные высокопоставленные связи в армии, которые у нас есть. Устроить тебя туда не удалось, так как все распределение идет исключительно в войска.

– Хорошо, мам, ещё дай мне икону в дорогу, наверно, вот эту Георгия Победоносца и не провожай, как устроюсь на новом месте, позвоню и после письмо короткое черкну.

Сумка была собрана, взял я помимо бутербродов, пару тапочек новые и потертые, сменное бельё, армейские ботинки, туалетные принадлежности, кружку, минеральную воду, портативную аптечку на всякий случай, если разыграется гастрит или заболит голова. Оделся я в военную форму, оставшуюся еще с курсантских сборов, сверху обычную зимнюю куртку защитного цвета и старые туфли. По специальным военно-перевозочным документам я заранее получил билет на автобус в кассе вокзала. Занял свое место в мягком автобусе, слегка откинул назад спинку кресла и погрузился в свои мысли. Путь мой впервые лежал в миллионный город, где располагался штаб военного округа.

Глава

II

Неуставные отношения

Дорога предстояла долгой и унылой. В каждом населенном пункте автобус останавливался и подбирал пассажиров. И местные правоохранители старались проверить документы у каждого пассажира. Благо автобус был полупустой. Паспорт мой был просрочен, получив его в 16 лет, я совсем забыл, что тут же вышел новый закон, выдававший документ с 14 лет и менять его нужно было уже не в 25, а в 20 лет. Поэтому я предъявлял военный билет и письменное предписание от военкомата на убытие к месту службы. По пути я съел все бутерброды и даже немного подремал. При подъезде к конечной остановке на меня нашло волнение, я пытался восстановить в памяти инструкцию, как добраться до заданного места.

Прибыв на вокзал, я сразу огляделся, нашел мост, на который поднялся и побрел прямо, отсчитывая пять кварталов до Центрального проспекта. Небо было по-весеннему пасмурное, март вступил уже в свои законные права. Улицы оживленны студенческой молодежью и напоминали мои юные беззаботные годы учебы от сессии до сессии. В общем, город, казалось, встретил меня дружелюбно как завсегдатая, с его желтыми трамваями, невысокими постройками и массивными деревьями. Неожиданный звонок подруги на мобильный телефон застал меня врасплох, я свернул в пере-

улок, чтобы лучше ее слышать. Она поинтересовалась, куда я пропал и почему не появляюсь в общей компании соседнего двора, пришлось сказать правду. От удивления она пожелала мне удачи и, вдруг, стал накрапывать дождик.

Я понимал, что прежние подруги и друзья для меня будут потеряны за два года армейской службы, а тем более, если еще после подпишу контракт. Компания во дворе сменится более юными мальчиками и девочками, а прежние разъедутся на новые места учебы и работы, многие после двадцати создадут семьи, другие будут делать карьеру, лишь вспоминая о беззаботных годах дворовых посиделок в беседках и прогулок в скверах.

На проспекте, где располагалось управление кадров округа, мне указали на новый адрес – переулок Церковный, впрочем, сам штаб располагался там давно. Переулок оказался по соседству с этим проспектом, единственное, что усложняло задачу, подниматься по наклонной в горку с тяжелой сумкой, сдавливавшей моё плечо и мелкий надоедающий дождь. Времени до темноты оставалось совсем немного, поэтому пришлось ускорить шаг.

По пути мне встретилась девушка, примерно моих лет, с длинными золотистыми волосами, в черном приталенной сюртуке, с зонтиком и дорогими кожаными перчатками. Она так дефилировала на каблуках, спускаясь по переулку, что я непременно захотел услышать ее голос и, поравнявшись с ней, задал банальный вопрос:

- Девушка, не подскажите, это Церковный переулок?
- Да, правильно,
- А штаб округа, номер...
- Это дальше, по пути – кокетливо ответила она,
- Благодарю Вас.

Я был удивлен, что местная девушка так дорого и стильно одетая, не проявила высокомерия, несмотря на мою внешность. Старую куртку, камуфлированную военную форму и промокшую неухоженную прическу, светло-русые волосы потемнели от влаги и голова, казалась немойтой. Встречают по одежке, но интеллигентность в моем голосе никуда не девалась. Впоследствии от этой случайной встречи у меня осталось неизгладимое впечатление, и именно с этой незнакомкой у меня ассоциировался в памяти весь мегаполис.

Прибыв на место, я увидел высотное здание, при входе сидевший на охране старший прапорщик потребовал, чтобы я выписал пропуск на завтра, но дежуривший рядом с ним майор, увидев моё предписание, велел пропустить и подсказал, что кадры расположены на пятом этаже. Там сидел солидный полковник, настраивавший свой маленький телевизор, диалог он начал первым:

- Прибыли, уже в военной форме, похвально – сказал он.
- Так точно, здравия желаю, еще с курсантских сборов осталась – ответил я запыхавшись.
- Но комбинировать её нельзя с гражданской курткой – он указал на куртку, которую я предварительно снял, но по-

ложил на спортивную сумку.

– Так получилось – оправдывался я.

– Вы по образованию кто?

– Историк, товарищ полковник, и хотелось бы служить поближе к дому.

– Это решаем не мы, вам предстоит убыть в штаб армии... Единственное, если побаиваетесь трудностей службы в пехоте, могу прозвонить, чтоб вас определили в тыловое подразделение, например, в комендатуру...

– На ваше усмотрение, буду признателен.

– Ну не теряйте времени, ниже этажом сидит капитан, он выпишет вам документы.

Мне оставалось поблагодарить столь высокий чин, благожелательно расположенный к моей персоне, спросить у капитана как добраться до ж/д вокзала и скорыми шагами запрыгнуть в автобус.

Сумрак уже накрыл улицы города, он стал каким-то чужим и огромным, безликим в своей необъятности огней. Медленно ехавший автобус, интуитивно дал мне понять, что еду не в том направлении и сидевшие рядом две девушки, подсказали мне как пересесть на другой маршрут. На всякий случай при выходе из автобуса я переспросил водителя о номерах маршрутов идущих на вокзал. Стояла кромешная тьма, тем не менее, я добрался на конечную остановку вовремя.

После получения билета в кассе все судорожно бежали к

вновь прибывшему поезду, приехавшему из северной столицы. Суэта и путаница при посадке была обычным делом в таких поездах дальнего следования. В билете были нечетко указаны номер купе и места, из-за чего многие меняли купе и пересаживались даже в разные вагоны. Мне досталось верхнее место и хорошие попутчики, угостившие меня ужином, мои запасы провизии были уничтожены мною ещё в автобусе, купить в спешке ничего не удалось. Ночь прошла в пути.

Наутро поезд остался практически пустым, лишь один парень искал попутчика и мобильную связь, чтобы позвонить родственникам. Оказалось, это был типичный горец по имени Ахмат, только такой же, как я скиталец, призванный из своего селения военкоматом на службу на два года. Он был одет по-спортивному бедно и вместо сумки у него был пакет с вещами. Очевидно, увидев мою полевую форму и звезды на погонах, он словно нашёл себе подобного и сразу представился и рассказал, кто он и куда следует.

Поезд ехал слишком медленно и подошел в тупик, не разглядев название станции, мы искали проводницу и, полагая, что это наш город, вышли. Вдруг я заметил на дороге усиленный блок-пост и несколько человек в форме ОМОНа МВД. У прохожего мы поинтересовались куда прибыли. Оказалось, это был тот самый маленький городишка, где недавно в новостях был серьезный теракт. Каково же было наше удивление, а вместе с тем и замешательство. Из-за нашего промаха до поезда пришлось бежать почти полкилометра.

Оказалось город и впрямь стоит в стороне от железнодорожной ветви и поезда заходят сюда, словно в тупик. После реверсом возвращаются на основную линию и продолжают путь далее. До конечной нам оставалось еще пару часов следования. По прибытии на вокзал, нас тут же перехватил проворный таксист, этакий джигит лет пятидесяти. Он словно местный гид рассказывал нам попутно о всех основных достопримечательностях своего города, а именно: где вкусно поесть, где лучшие шашлычные, сауны с девочками и как прекрасно еще можно провести время. Мой новый попутчик легко поддержал с ним непринудительный разговор, но дал понять, что мы прибыли по делам с серьезной миссией и катать нас по городу не нужно.

В штабе армии, возле КПП нас вынудили оставить свои вещи, потом долго ждать приема у полковника по кадрам. Моего нового знакомого ждала горная бригада и он приуныл, о том что еще предстоит долгая дорога. Я был распределен в комендантское подразделение при военном училище тут же в другом конце города.

Приехал я к месту службы на маршрутке. С волнением прошёл КПП, где дежурный мне указал на неопрятную прическу. Попросил, чтобы я надел фуражку перед представлением начальству. Так как комендантское подразделение подчинялось начальнику гарнизона, генерал-майору Ильясову, который занимал должность начальника военного училища. Я отправился в сопровождении к его кабинету. Но «его пре-

восходительства» не оказалось на месте и меня проводили в кабинет его заместителя. Перед входом меня предупредил дежурный офицер, что необходимо представиться по форме. Так сказать, прибыл такой-то офицер, представляюсь по случаю прибытия.

Фразу эту я заучил заранее, еще в военкомате, поэтому четко произнёс:

– Здравия желаю, лейтенант Лосев, представляюсь по случаю прибытия для дальнейшего прохождения военной службы – отчеканил я уверенно.

– Вы после училища? – спросил полковник явно довольный такой формой доклада.

– После военной кафедры, направили сюда из штаба армии.

– Но вижу, что форма вам пока не нужна – пошутил он – специфика нашей службы наряды по училищу, патрули, проверки, документация без ежедневной боевой подготовки. Жалование пониже, чем в войсках, но есть свои плюсы, питание в столовой при училище, общежития, правда нет.

– А какие перспективы с жильем?

– Жилье наши офицеры и прапорщики снимают, пока не дадут служебную квартиру, должность у вас капитанская, с перспективой на майорскую – офицером-воспитателем в училище, а там дорога открыта и в военную академию, но это для единиц – улыбнулся он.

– Ясно, но я еще не встал на довольствие? – уточнил я.

– Отправляйтесь в подразделение, ваши документы я передам в кадры для оформления на должность заместителя командира отдельной роты, остальное расспросите у своего командира, майора Цуркан.

Командир был ниже меня, развит по физическим меркам слабовато, картавил и не произвел на меня впечатление. Но он воспринял меня спокойно и в обед даже угостил выпечкой, точнее жареными беляшами с мясом.

Разместился я в канцелярии командира отдельной роты, рядом с его кабинетом, где провел две ночи. Успел ознакомиться с коллективом и обжиться на новом месте. Мне сразу не понравилась атмосфера и условия службы. Общежития не было, не говоря уже о служебной квартире или хотя бы комнаты, душ принять негде. К тому же я обнаружил пропажу новых тапок. Вероятно, они приглянулись солдатам, которые обыскивали сумки на проходной в штабе армии, когда я вынужденно оставлял там вещи. Состояние мое было подавленным от увиденных перспектив службы и низкой ставки денежного довольствия, не позволявшего снять жилье в городе. Да к тому же на ступеньках я поскользнулся и упал, потянув правую ногу в области лодыжки. Пришлось прихрамывать.

На третий день, мои новые сослуживцы, капитан Шамилин и старший лейтенант Альбертов, устроили мое вливание в коллектив и предложили скинуться на выпивку. Деваться было не куда, так как они заняли канцелярию, где временно

размещался я.

Выпивать с ними я отказывался, так как на службе пить нельзя – это дисциплинарное нарушение, но они убеждали меня и себя, что вечером рабочий день закончен, завтра воскресенье – выходной. Я только пригубил пару рюмок и понял, что поило левое, возможно даже с добавлением таблеток, усиливающих его действие.

Изрядно приняв на грудь, мои сослуживцы подтрунивали меня на спор:

– Ты нас слушай, как подчиненными заруливать, они солдатики слабые, из войск многих перевели, как потерпевших от дедовщины – рассказывал капитан.

– И в чем особенность таких солдат, просто они отстаивали себя, как могли – пытался поддержать беседу я.

– Да ты не шарить в чем суть – возразил Альбертов – им надо для верности подзатыльники давать и пинки под зад, чтоб быстрее шевелились.

– Ну, это уже неуставные отношения – заметил я – а точнее превышение полномочий.

– Ты что за них впрягаться будешь? – старлей обошел меня с боку.

– Значит, не сработаемся, а может ты и сам такой... – намекнул капитан, глаза которого немного одурманились и даже покраснели.

– Какой такой? спросил я, понимая, что от них исходила агрессия и озлобленность на жизнь из-за небольшого денеж-

ного довольствия. Один был в долгах, другой снимал лишь комнату, отдавая больше половины заработанного.

– Стучать начальству склонный... – после этих слов капитана, я почувствовал боль в области затылка и уха, так сыпались удары от Альбертова. Мне оставалось прикрыть голову руками и согнуться от боли. Драться одному против двоих физически развитых тяжеловесов было бы неблагоразумно. Капитан попытался схватить меня за руку, я увернулся и толкнул локтём стоявшего сзади. Затем он схватил меня за другую руку и вывернул её, нанеся удар в спину. Я закашлялся. Альбертов уцепился за вторую руку. И тут я вспомнил прием русского стиля по системе уворотов, назывался этот стиль обороны «свея» – с древнеславянского означает змея. Я немного присел, потянув их на себя, и стал сгибать руки в локтях и крутить их так, чтобы они потеряли равновесие. Они упорно не отпускали мои руки и, сбив пару стульев и пошатнув стол, мы рухнули втроем. Капитан ударился головой и остался лежать на полу. Я попытался встать, но почувствовал резкую боль в правой ноге. Так я повторно травмировал уже ушибленную лодыжку. Альбертов поднялся с колен и нанес мне несколько ударов по спине, боль в пояснице, казалось, перебила болезненные ощущения в ноге. После он вытолкнул меня в дверь.

Дневальный, стоявший на тумбочке, сразу отреагировал, позвал дежурного по роте и тот с другим солдатиком проводили меня в медпункт. По пути они жаловались на система-

тические побои от этих горе-офицеров, сидевших на стакане. Один из которых, Альбертов, приходился племянником генералу Ильясову. Ночь я провел в санчасти.

На следующий день с проверкой пришел командир роты. Я доложил ему ситуацию, но он явно не занял мою позицию, толи из-за того что была пьянка и у меня не было следов от побоев, кроме вывиха лодыжки и пары синяков на спине, а может из-за родственных связей Альбертова. После неприятного разговора с ним мне пришлось прозвонить по мобильнику тёти и воспользоваться теми самими связями, чтобы подключить военную прокуратуру.

Явка следователя военной прокуратуры, побудила генерала вызвать нас четверых к себе в кабинет и каждого по-своему отчитать, как провинившегося мальчишку. Командира отдельной роты – за отсутствие доклада ему, наверх о происшествии, моих обидчиков – за пьянку и драку, устроенную на рабочем месте, а меня за участие в ней. В процессе его нотаций, оказалось, что капитану было за тридцать, был он артиллеристом и участником военной компании, а старший лейтенант, дезертиром, избившим половину своего взвода. Мне оставалось в диалоге, как не имевшему опыта военной службы, попроситься о переводе в войска. Да и служить здесь я уже не мог после полученного оскорбления от сослуживцев согласно неписаному кодексу чести.

Таким образом, показательный суд офицерской чести в кабинете генерала позволил мне достойно выйти из ситуации, так

что даже генерал, понимая мои связи в главной военной прокуратуре, дал мне свой личный УАЗик и офицера для сопровождения в штаб армии. Благо мне вернули мои документы, так как оформить на должность еще не успели. Единственное, чем насолил мне генерал – попросил по телефону, чтобы в штабе меня определили в бригаду похуже.

Альбертов был трезв, у него тряслись руки и напоследок он извинился за свои действия с боязливым видом. Его дергала военная прокуратура, как бывшего неприкасаемого. Я ответил ему, что все обойдется. Позже ему дали условный срок – будет знать, как бить солдат, неспособных ответить ему тем же. Карьера его была на этом закончена.

Глава

III

Новое назначение

В штабе армии я получил назначение в отдельную мотострелковую казачью бригаду, расположенную недалеко от тех мест с минеральными источниками, где когда-то служил поэт Михаил Лермонтов, раньше город назывался «Святой крест». У меня на душе отлегло и стало гораздо легче, как будто груз упал с моих плеч. Добираться пришлось на такси и потратить изрядную сумму денег. Не мог же я ночевать на вокзале, который к тому же оказался, закрыт после восемнадцати часов. К месту назначения прибыл глубокой ночью в первом часу.

Было холодно, я отпустил такси, поблагодарил водителя и подошёл к контрольно-пропускному пункту. Там мне указали на военный городок и офицерское общежитие, куда меня препроводили два солдата, очевидно, посыльные, им все равно было по пути. Ночь прошла тихо.

Общежитие оказалось платное посуточно, нужно было оформить на должность как можно быстрее и подать рапорт на предоставление места в общежитии, чтобы платить за него ежемесячно почти пятьсот рублей, а не посуточно, как гость отдавать за месяц в три раза больше.

Соседом по общежитию оказался такой же, как я призывник, только чуть старше, из того миллионного города, яркие впечатления о котором еще были свежи в моей памяти.

Вместе мы сходили в магазин, позавтракали и направились в штаб для представления и оформления на должность. Ему досталась должность, связанная с артиллерийскими складами и предполагавшая материальную ответственность.

Мне, благодаря историческому образованию, повезло больше. Меня рекомендовали на воспитательную должность заместителя командира роты по воспитательной работе. На прием я отправился к своему будущему непосредственному начальнику полковнику со странной фамилией Златогирия – заместителю командира бригады по воспитательной работе. В прошлом эта должность называлась «Замполит» и была главнее должности командира части, особенно в некоторых вопросах идеологии, дисциплины, правопорядка, личного состава, а также в любых спорных моментах службы. Памятуя об этом, стареющий полковник Иван Викторович, разменявший пятый десяток, частенько вспоминал годы своей партийной молодости и каким значимым и влиятельным он был. Как после солдата он стал лейтенантом и написал рапорт по партийной линии на одного из начальствующих во время проверки и заставил всех себя уважать.

Я неуверенно постучался к нему в кабинет и представился:

– Здравия желаю, лейтенант Лосев, меня направили из отдела кадров – доложил я уверенно, с выправкой.

– А что это вы хромаете? – спросил он.

– Ногу подвернул, товарищ полковник.

– Куда же вас определить, во второй батальон или третий – медленно проговаривал он, уткнувшись в компьютер.

– Где вакансии есть, как распределите – с грустным и немного уставшим видом отвечал я.

– Будет сложно в пехоте, там свои нюансы...

– Отправлю-ка я вас в медроту, тем более ногу нужно подлечить, там специфика с больными солдатами проводить занятия по общественно-государственной подготовке и правовому информированию, вы готовы?

– Так точно, товарищ полковник, готов служить с медиками.

– Ну, вот и отлично, идите в кадры и оформляйтесь на должность.

Рота, располагалась почти в километре от штаба, точнее от зданий трех штабов. В одном располагался комбриг, его зам, начальник штаба и секретная часть. В другом – отдел кадров, воспитатели, служба войск, вооружения и техники. В третьем – финансовая служба, отдел мобилизации и комплектования, картографы.

Командиром медицинской роты оказался зрелый крупный кавказец лет тридцати пяти, потомок хазар и аварцев. Он равнодушно стоял на улице между двумя зданиями терапии и хирургии и оглядывал свои владения. Поговаривали, что он начинал службу солдатом, после закончил военно-медицинский институт в качестве кардиолога. И якобы держал роту в ежовых рукавицах, унижая и подавляя любое непод-

чинение и неуважение к своей персоне, как со стороны солдат, так и офицеров. Так он брал пример с комбрига, генерала Храпина, также начинавшего свою карьеру с солдата. Часто ротный Махмудов, на днях получавший капитана, ссылался на свои знакомства и связи, с которыми ему по плечу любая проблема, даже криминального характера.

Меня в качестве своего зама он воспринял равнодушно, ссылаясь на мою славянскую принадлежность, заявил, что национальный вопрос ему якобы безразличен. Такой диалог меня насторожил. В части процветала кавказская диаспора, поэтому с ротным у меня сложились натянуто-неприязненные отношения. Он старался отчитать меня по любому удобному случаю, как неопытного бойца-первогодку. То цеплялся к моему внешнему виду, то обвинял в медлительности исполнения его штабных поручений, то в бездельном пребывании на территории подразделения. И неудивительно, ведь своего кабинета или даже стола мне он не выделил, хотя я считался вторым человеком в роте. Поэтому я запустил свою документацию. В общем, придирался он, как мог, исполняя указания комбрига – гнобить «пиджаков» – так звали нас, офицеров-двухгодичников, служивших по призыву после военной кафедры.

С командиром роты беседовала женщина лет сорока пяти, делопроизводитель, Светлана Евгеньевна жена штабного подполковника. Она в первую неделю ознакомила меня с книгой штатно-должностного учета, записала мои данные

туда и помогла с документами при оформлении на должность, за исключением одного казуса. Рапорт на общежитие не подписывал заместитель командира по тылу. Пришлось даже подключить своего начальника, полковника Златогирю. Но и его боевой зампотыл послал, как говорят, на три буквы. За дверью мне было неловко за такую ситуации, и перед своим начальником, которого я подставил под такой мат, и перед Светланой Евгеньевной, просившей за меня. Ничего, подумал я, земля круглая, ещё пересечемся.

Заместитель по тылу, полковник Уско был самым старым воином соединения, ему перевалило за пятьдесят, точнее было пятьдесят два года. Выглядел он старовато на шестьдесят пять, весь седой, исхудавше-сморщенный и невысокого роста, он пользовался особым уважением комбрига, так как последний был на десять лет младше своего зама по тылу. Генерал Храпин на многие поступки полковника Уско, который мог опаздывать на построения и совещания, закрывал глаза. Но когда у комбрига кончалось терпение, он гневливо кричал в духе «Берите носилки и несите этого старика сюда».

Итак, миновав неуставные отношения с прежним офицерским коллективом, я столкнулся с другой сложностью начала моей службы – отказом в офицерском общежитии. Благо в медроте была свободна одна палата в терапии для больных – там временно поселился я с разрешения начмеда бригады, капитана Калачана. Нужно было искать съемное жилье. Третьей сложностью было отсутствие своего рабочего кабинета

или хотя бы рабочего стола.

Медрота, как и батальон материального обеспечения была тыловым подразделением и находились в прямом подчинении заместителя по тылу. Таким образом, я находился в подчинении комбрига генерал-майора Храпина, его зама полковника Моржова, начальника штаба полковника Горбова, заместителя по тылу полковника Уско, замполита бригады полковника Злаготиря, начальника медслужбы бригады капитана Калачана, командира медроты капитана медслужбы Махмудова. В общем, великое множество начальников не давало почувствовать себя начальником самому.

Тем более в моем подчинении формально было пятнадцать офицеров-врачей, в том числе женщин, на капитанских должностях, столько же женщин-медиков контрактной службы, и двадцать пять сержантов и солдат срочной и контрактной службы. С гражданскими лицами выходило шестьдесят человек, только один выбыл месяц назад – это был рядовой Баев, скончавшийся в госпитале от перелома основания черепа. Этот факт еще предстояло выяснить мне и, конечно, военной прокуратуре, занимавшейся расследованием.

Но первый мой визит к военным дознавателям был по делу нашей прапорщицы о причинении себе вреда, то есть членовредительства. И я вместе с ней отправился в военную прокуратуру, чтобы взять постановление об отказе в уголовном деле для военного госпиталя. Она была уже в годах и

увлекалась алкоголем и якобы в состоянии опьянения поранилась ножом на рабочем месте случайно, при падении. Но ходили слухи, что ее поколачивал муж, с которым разводилась, и унижал на совещаниях ротный Махмудов. Два тирана довели маленькую женщину. Конечно, о статье доведение до самоубийства не могло быть речи, так как суицидальные действия военнослужащей автоматически приводили к уголовной ответственности по ст.332 УК РФ, то есть уклонение от обязанности военной службы путем членовредительства.

В медроте царил панибратско-попустительская атмосфера, поощряемая еще прошлым командиром роты. Офицеры сержантов-контрактников называли по именам. Одна разведенная женщина капитан медслужбы даже встречалась с контрактником. Военнослужащие по контракту обращались к офицерам, прапорщикам и зрелым женщинам-контрактникам на «ты». Исключение составляли начмед и командир медроты, следившие за соблюдением субординации, но почему-то только к самим себе. При этом на «вы» они никого из подчиненных не называли, не позволяло непомерно раздутое «Я». Многих они, мягко говоря, не уважали, а грубо говоря, немного тиранили. В общем, нарушали устав как могли.

Коллектив роты при знакомстве на совещании не воспринял меня всерьез в силу возраста, отсутствия опыта службы и наличия своего кабинета. Комнаты досуга в медроте просто не было. Поэтому моя служба проходила исключи-

тельно на ногах. И сводилась не столько к боевой подготовке, составлению расписаний занятий, проведению индивидуальных бесед, информирования и общественно-государственной подготовки, а больше к выполнению функций замначальника штаба, а попросту делопроизводителя и чистого замкомандира роты. Лишь иногда я проводил занятия по воспитательной работе в буфете, где принимали пищу больные. Медперсонал больных солдат неуважительно называл «калечами» видимо от слова калека. А «калеч» это не человек, «достойный» только самой грязной и тяжелой работы, связанной чаще с уборкой.

Особенно тяжела служба была по понедельникам и четвергам, когда после утренних построений была четырехчасовая строевая подготовка до обеда на огромном плацу, где помещалась вся бригада численностью в две с половиной тысячи человек. При этом она была укомплектована только на две третьих. В понедельник был командирский день, необходимо было подшить подворотничок, побриться, подстричься, если необходимо, почистить «берцы» – армейские ботинки с высоким голенищем. В общем, привести себя в порядок к смотру, где проверялись помимо внешнего вида, иногда наличие противогаза, командирском сумки, ее содержимого, вещевого мешка с комплектом ОЗК – общевойскового защитного костюма. После смотра, как правило, следовало неоднократное прохождение походным или торжественным маршем мимо трибуны комбрига. А затем два часа индиви-

дуальной строевой выучки до самого обеда, до четырнадцати часов.

По должности мне полагалось заступать в наряд ответственным по роте каждое воскресенье. Поэтому мне, полусонному, после еженедельного воскресного дежурства и сна в три-четыре часа особо сложно было выдерживать такие нагрузки. Поэтому я частенько после подъема в шесть утра и выведения срочников на плац не принимал участия в утренней зарядке и отправлялся на завтрак в «чипок» – армейский магазин на территории части или чайную в военном городке. Солдат на завтрак в столовую вместо командира и меня водил один из сержантов, реже старшина. Комбриг по понедельникам проверял наряд по столовой. Мне не хотелось с ним сталкиваться лишний раз, тем более, сидя за столом, рядом со старшиной и сержантами и уплетая котлеты и вареные яйца с чаем из солдатского пайка. Не смотреть же было голодному после дежурства, как едят солдатики. Так сытно их кормили только по понедельникам.

Поскольку я размещался в расположении роты первые две недели, контрактники и женщины быстро с «вы» перешли на «ты», располагала атмосфера. Единственно кто мне больше оказывал уважения, были молодые солдаты-срочники, ещё не прослужившие года, а также больные солдатики терапии и, особенно психоневрологического отделения. Больные ПНО, так или иначе, были жертвами неуставных взаимоотношений, кроме больного по фамилии Молодой, кото-

рый лег с нервным срывом, избив табуреткой двух сержантов. Среди своих "дуриков", как их называл генерал, он почитался старшим. Питаться приходилось в буфете вместе с ними, точнее мне оставляли небольшую порцию обеда или ужина, когда я ходил с ними за харчами в госпиталь в качестве старшего. Больной ПНО Молодой был на раздаче пищи вместе с больным Сомовым, который вечером подходил ко мне с вопросом: «Товарищ лейтенант кушать будете?». Это очень подкупало и, впоследствии, я всегда в беседе с ними интересовался их здоровьем и опекал их. Сомову даже подарил свою старую симкарту.

В общем, приходилось бы голодать, если бы не посылка родителей с едой, которой как раз хватило до получения первого денежного довольствия за последнюю декаду марта в размере около двух с лишним тысяч рублей. На эти деньги я мог только питаться в гарнизонной столовой и чайной примерно месяц, снять жилье стоило минимум две с половиной или даже три тысячи рублей. Поэтому я серьезно расстроился. Офицеры же заметили, что мне заплатили слишком мало, чтобы снять жилье. Никто из них не хотел брать меня на свою съемную квартиру. И не потому, что все офицеры были врачами и держали дистанцию с другими, уступавшими им по знанию медицинских тайн. Каждый из них уже давно снимал квартиру в военном городке по трое, так было менее накладно для бюджета.

Каждое воскресенье я оставался дежурным по роте и обя-

зан был ночевать в подразделении, но ложиться не после вечерней поверки, а далеко за полночь. На очередном дежурстве я познакомился с дежурным фельдшером Алексеем Зосимовым. Он перевелся в медроту и был поначалу на должности прапорщика, но носил звание сержанта. Получить звездочки он так и не смог, его потеснила старшая медсестра, хорошо знавшая форму доклада. Поэтому она и получила новую должность. Алексей же лишился возможности карьерного роста, поскольку считал ниже своего достоинства доносить на коллег. Но и медсестра Касаева не получила заветных звезд и повышение в окладе, подкачало отсутствие фельдшерского образования, как у Алексея, которому соответствовала прапорщицкая должность.

Зосимов был мой ровесник, и мы быстро нашли общий язык, особенно после одного банального случая. По пути от штаба к расположению роты нас остановил грозный майор из управления бригады. Оказалось, мы забыли отдать ему воинское приветствие. Естественно он сделал нам замечание и отправил, как говорится на исходную, с тем, чтобы мы вернулись и устранили свою оплошность. Я быстрыми шагами отмерил дистанцию, развернулся и образцово отдал воинское приветствие за три шага до приближения к старшему офицеру. Алексей раньше меня развернулся и нехотя приподнял расслабленную руку к виску. На что майор незамедлительно отреагировал и вернул его ещё пару раз назад. И только после он догадался пойти другим путем, он просто

обошел казарму. И тут я понял, мой сослуживец не робкий малый, со смекалкой, как говорят бывалый контрактник. Он подсказал неписаное правило, кому отдавать воинское приветствие, а кому этого делать не обязательно.

Алексей спустя неделю предложил съехать к нему на квартиру, точнее это был ветхий саманный домик больше напоминавший холодную времянку. Удобств, кроме холодной воды, газовой плиты и печки на газе там не было. Зато плата была всего пятьсот рублей с человека, третьим жильцом был старший сержант Ильдаров с роты РЭБ – радиоэлектронной борьбы. Из-за отсутствия ванной, мы повадились принимать душ по воскресеньям в хирургическом отделении. Хозяин съемного жилья обещал отремонтировать ванную комнату до холодов. Был он очень хитрым, не требовал с нас платы за коммуналку, да и сам игнорировал эти платежи. Так накапливался долг, из-за чего мне пришлось впоследствии с ним поссориться и съехать в другое жилье.

В последующие три месяца выявилась четвертая сложность моей службы. Я получил низкое денежное довольствие в размере пяти тысяч, то есть мне недоплачивали три с половиной тысячи рублей из-за отсутствия выписки в финансовой службе, куда меня экстренно вызвали для сверки личного состава роты со штатным списком. Оказалось Светлана Евгеньевна, очевидно из зависти посчитала, что мне не нужно доплачивать надбавку за сложность, напряженность и особые условия боевой подготовки. Хотя бригада была

постоянной боевой готовности и такая надбавка полагалась всем военнослужащим, получавшим денежное довольствие.

Видимо так устроен окружающий мир для маленького человека из бедной семьи, что его окружают практически только завистники, недоброжелатели и соперники, а также супостаты, хамы и тираны. Но мир оказался не без добрых людей. На каждый десяток подлецов и равнодушных негодяев всегда находятся хотя бы один-два правозащитника или просто ответственных человека с понятием совесть.

От нужды, конечно, мне пришлось даже продать выданную полевую форму и свой старенький мобильник и какое-то время быть без связи, кушать только макароны и лапшу быстрого приготовления, запивая кофе с печеньем. На таком рационе, впрочем, сидели и сержанты, с кем я снимал жилье. Лишь в обед я позволял себе взять первое блюдо в столовой. Но после получения всех недоимок получилась приличная сумма, словно я получил подъемные, как при заключении первого контракта. Хотя насколько я знал, в финансовых частях была такая коррупция, что не то, что подъемные, не платили командировочные, а полевые с трудом выбивали, через взятки и то не все.

Я купил новый мобильный телефон и немного денег выслал матери, обещавшей откладывать большую часть моих переводов. Деньги мне доставались тяжело и не хотелось тратить их направо и налево, я мечтал купить авто после демобилизации, если до таковой доживу, подумал я, отслужив

первые три с половиной месяца. Такие мрачные мысли посещали меня и спустя полгода службы и девять месяцев и только на десятом отпустили, видимо в предвкушении отпуска.

На одном из дежурств я подхватил одежных вшей, маленьких белёсых насекомых, плодившихся в швах кителя и брюк. Поскольку старшина роты упорно тянул со сдачей одеял в прачечную. Моя армейская форма, естественно, пришла в негожий вид после кипячения ее и глажки. Я незамедлительно взял новую, благо финансы теперь позволяли. Больше ничего не предвещало серьезных неприятностей, если бы в июле командир роты Махмудов не пошел в отпуск.

Глава

IV

Оскорбление на плацу

Вовремя отпуска командира медроты выполнять его обязанности остался командир медвзвода лейтенант Белкин, ведущий хирург роты. Был он врачом со стажем, в возрасте под сорок лет. Но, несмотря на такой опыт, в военном деле он не разбирался, и вникать особо не хотел. Срочную службу он не служил, а учился до двадцати семи лет, сначала на медбрата, а затем на врача. Профессия врача, пожалуй, единственная при которой можно получить офицерское звание по медицинской службе, просто заключив контракт в армии, при этом, не изучая Уставы, строевую, тактическую и техническую подготовку, без прохождения сборов, стрельб, рытья окопов, сдачи экзаменов и принятия присяги. Одним словом без всего того, что я прошёл за четыре года обучения на военной кафедре, параллельно получая профессию историка. Один из солдат-срочников в медроты, был с высшим медицинским образованием. Он был призван на один год после фармакологического института и был на подхвате у провизоров. Он как-то насмешил меня, спросив, почему я не выбрал службу на год солдатом, как он, когда ему тоже предлагали контракт и лейтенантское звание по медслужбе.

В один из июньских жарких дней я вывел роту на утреннее построение. Старшина роты, как на грех взял больничный. Я собрал человек двенадцать солдат и сержантов. Что мало

походило на роту. Пара-тройка контрактников то ли отпросились у ротного Белкина, то ли на службу просто опоздали сознательно. Ещё трое заступили медбратьями на дежурство по терапии и хирургии. По пути четверых забрал лейтенант Белкин. Двоих отправил в госпиталь, а других двоих в хирургическое отделение для хозяйственных нужд.

Я чуть не взбесился такому поведению «временщика». Но мои возражения не были восприняты всерьез. Логика была проста, раз в подразделении числилась жена комбрига, старшина Храпина и она не являлась на службу по два-три месяца, значит, негласно от построения освобождались все медики, пятнадцать офицеров и все женщины-военнослужащие как в званиях офицеров, прапорщиков медслужбы, так и в сержантских должностях. Исходя из этого, Белкин посчитал, что построение для медроты не главная часть службы.

В общем, на плац я с опаской вывел восемь человек. Построились мы в колонну по два из-за малочисленности и как обычно за батальоном материального обеспечения почти в самом конце строя, как и положено тыловым подразделениям. Генерал заметил численность не сразу и со свойственным ему напускным басом произнес:

– Это что там за подразделение в конце строя?

– Ко мне! Бегом марш! – скомандовал генерал-майор.

Делать было нечего, я, согласно уставу, продублировал команду комбрига:

– За мной к трибуне бегом марш! – меня переполняли

смешанные чувства волнения и досады, почему именно я попал под раздачу «комплиментов».

У трибуны как положено я попытался доложить по форме, но комбриг прервал меня командой

– Построиться лицом к бригаде, лейтенант.

Дальше последовала нецензурная лексика в микрофон, которую сложно было разобрать с близкого расстояния, резонанс бил по ушам. Единственное что я успел расслышать «дурики», «чучела» и что-то в этом роде.

Обида накрыла меня от раздавшегося смеха от общего строя бригады, и я произнёс вполголоса:

– Челюсть береги и зубы ваше «превосходительство»...

Тоже мне генерал – с нервной улыбкой произнес я.

Мои солдатики сильно удивились моей смелой реакции. Не знаю, расслышал ли сам комбриг ответивший:

– Что там мямлите, лейтенант в расположение роты и собирать весь личный состав – бегом марш – прокричал он в микрофон.

Я прибежал в расположение роты. Слава Богу, начмед бригады капитан Калачан оказался на месте. Я коротко доложил о случившемся и приказ генерала – собрать весь личный состав медицинской роты для проверки на плацу, после построения бригады.

Начмед прозвонил в штаб, где ему подтвердил начальник штаба полковник Горбов намерение комбрига проверить медроту, от построения освобождались только дежур-

ный врач, фельдшер и две дежурные медсестры.

Через час личный состав медроты в количестве почти со- рока человек начмед бригады со мной вывел на плац. Пол- часа мы прождали комбрига. Он подъехал на своём персо- нальном УАЗике, вышел, заслушал доклад начмеда, о том, что рота построена для проведения проверки, взял книгу со штатным списком и начал перечислять –

– Командир роты в отпуске. Заместитель командира роты по воспитательной работе...

– Я – отозвался я.

– Выйти из строя и занять место за моей спиной – сказал генерал.

Так каждого военнослужащего зачитывал комбриг по штатно-должностному списку, пока не дошел до лейтенанта Белкина. Его отсутствие пытался объяснить начмед бригады, но безуспешно. Генерал уезжал на час к себе в штаб и требо- вал, чтобы рота оставалась на плацу и ждала прибытия неза- конно отсутствующего. После возвращался и начинал зачи- тывать список по новой, начиная с меня. Так мы простояли на плацу более трёх часов. Белкина ждали дольше всех, по- ка он оденет военную форму, из-за лишнего веса, его ноги еле-еле помещались в уставные берцы. Форма на нём смот- релась нелепо, как на корове седло и это в его тридцать во- семь лет. Даже старшина роты не успевший еще оформить больничный прибыл из дома гораздо быстрее ведущего хи- рурга. В процессе проверки, оказалась, что в медроте чис-

лится и жена начальника военного госпиталя, но под своей девичьей фамилией. Наше подразделение было и впрямь довольно привилегированным.

С этого момента рота строилась почти в полном своём составе, особенно в командирский день по понедельникам. В отсутствие командира роты я принимал командование подразделением на себя. И на плацу я брал реванш над медиками за их привилегированность. Конечно, я не проявлял фанатизм в проведении строевой подготовки и раньше уводил роту в расположение, так как в строю были преимущественно женщины средних лет, в большинстве своем слабо знающие строевую выучку. Более того, каждое утро построение длилось пару часов и комбриг или начальник штаба в его отсутствие доводили всей бригаде случаи и происшествия в соседних частях, о дезертирстве, «дедовщине», несчастных случаях с летальным исходом и прочих происшествиях. Такие монологи командования с трибуны с непривычки утомляли даже медиков, перевидавших много травмированных и погибших военнослужащих.

После таких построений я обычно подавал команду:

– Правое плечо вперед – после разбивал роту по группам, офицеры, прапорщики, женщины-контрактники и срочники вместе с молодыми контрактниками. И назначал старшего в каждой группе для проведения занятий по строевой. Когда по плану расписаний была специально-медицинская или иная не строевая подготовка сразу уводил роту с плаца. Ко-

мандовал личным составом я немного неуверенно, но со знанием дела, когда военнослужащие уходили с плаца и маршировали не в ногу, я морщился и порой подавал команду:

– На месте... стой, раз-два!

– Почему остановились – возмущались многие, особенно женщины,

– Идти нужно в ногу и не разговаривать в строю – отвечал я – вы же по плацу идете, а не по улице, плац – это святое и даже курить и плевать здесь нельзя.

– Становись, равняйся, отставить... Равняйся, смирно, вперед, шагом, марш – чеканил я команды – первые ряды короче шаг,

– Не идет вам, товарищ лейтенант, быть солдафоном – добавляла обычно капитан медицинской службы врач-физиолог Надежда Васильевна Савицкая.

– Я пехотный строевой офицер, к тому же я себя еще сдерживаю – шутил я в ответ.

Но требование комбрига в отношении построений медроты выполнялось не в полной мере, хирургическое отделение по-прежнему оставалось привилегированным, особенно после ухода генерала в основной отпуск на сорок пять суток. Перед отпуском комбрига случилось серьезное происшествие...

Глава

V

Психотравмирующая обстановка

Лето было очень жарким, на солнце температура превышала пятьдесят градусов, так что в хлопчато-бумажном полевом армейском кителе майка прилипала к телу от пота. До штаба и обратно было около полутора километров, чтобы отнести документы в штаб после указания от ротного, нужно было преодолеть эту дистанцию и бывало не один раз. Перепоручить сержантам или солдатам эту миссию я не мог, так как половина из них были задействованы медиками и носили медицинскую униформу и тапочки, а остальные занимались на своей автомобильной технике в парке. Да и потом в случае утери документов ответственность за сохранность возлагалась на меня. Делопроизводитель Светлана Евгеньевна была гражданским персоналом. Приходила она к девяти и после обеда, как правило, не появлялась на рабочем месте, так как оклад у них был вообще нищенским, даже ниже прожиточного минимума. Поэтому бумажные дела переваливались на плечи командира и мои.

Я, конечно, не представлял себе службу в виде кабинетной работы, с личной секретаршей и денщиком, приносящими мне кофе, забивавшими табаком курительную трубку и стиравшими мои вещи. А в случае болезни длительный многомесячный отпуск с посещением минеральных вод, баллов, театров, конных прогулок, карточных игр и про-

чих прелестей лермонтовского времени. Я догадывался, что будут многочасовые построения на плацу в любую погоду, строевая подготовка, в которой я должен обучать сержантов и солдат оттачивать их навыки. Что раз в квартал будут контрольные занятия по стрельбам на полигоне, чистка оружия. Физподготовка в берцах с нормативами на короткие и длинные дистанции, силовые нормативы. Общественно-государственная подготовка, Уставы, за которые отвечал я. Сдача нормативов по РХБЗ, военно-медицинской, специальной, инженерной и прочих дисциплин боевой подготовки. А также наряды по роте, по столовой, возможно, по штабу и в дальнейшем, быть может заступление в караул.

К тому же раз в квартал мы с командиром роты, а после нас взводные, а затем сержанты-контрактники проходили двухнедельные сборы. То есть те же занятия по боевой подготовке, но отдельно от своего подразделения, в коллективе себе подобных для повышения своей квалификации. В общем, нагрузки были колоссальные и не только физические, а больше морально-психологические из-за напряженного распорядка дня и отсутствия свободного времени.

В такой напряженной обстановке мы узнали, что нашли в военном городке тело 27-летнего старшего лейтенанта Ханбетова. Он повесился в своей съемной квартире. Тело провисело больше трех дней, диагноз подтвердился – асфиксия в результате удушения. Ходили разные слухи о причинах такого трагического конца офицера-кавказца. Одни называли

сложные семейные обстоятельства, другие тяжелое заболевание то ли физическое, то ли психическое, поскольку не было прощальной записки. А значит, суицид мог произойти в результате сильного душевного волнения или аффекта.

Многие боялись озвучивать версию унижения чести и достоинства офицера перед строем подчиненных от вышестоящего командования и взыскание с отстранением от должности. Даже по уставу командир не имеет права отчитывать офицера или прапорщика перед строем, если в строю находятся сержанты и солдаты, подчиненные ему, то есть лица младше по воинскому званию. После такого построения, ни о каком служебном и человеческом уважении можно было не надеяться от присутствующих лиц в отношении сослуживца, подвергнувшегося морально-психологической экзекуции от начальства. Кавказец, тем более офицер никогда не позволил бы себе такой слабости, только в случае сильного отчаяния в результате унижения его достоинства, подумал я.

Комбриг Храпин был далеко не болван в таких вопросах и догадывался не меньше моего о тех обстоятельствах, которые могли довести офицера до суицида. Но понять этого он, перенесший гораздо больше унижений, будучи ещё солдатом, сам не мог. Генерал долго кричал на совещании, что армия это не сказка и не дом родной, это испытания характера, воли, выработка сильных качеств настоящего мужчины и прочую ахинею, призванную увести человека от реальности и навязать смиренную и рабскую модель поведения военно-

служащего. Однако он, сам за собой имея такие недостатки в отношении подчиненных, отдал негласное указание своим заместителям и командирам отдельных батальонов, дивизионов и отдельных рот. А именно не оскорблять подчиненных, особенно младших офицеров и прапорщиков резкими обидными словами типа «чучело», «пугало» и тем более матерными выражениями. Сам комбриг теперь позволял себе критику в адрес подчиненных в виде таких слов как «манекены», «мальчики в офицерских погонах», а в отношении недисциплинированных солдат «обезьяны» и «гоблины».

В эти же жаркие летние дни оживилась военная прокуратура по делу о гибели рядового Баева. Дело принимало серьезный оборот. В связи с жалобами его родителей, требовавшими привлечь к ответственности лиц, виновных в гибели единственного сына. По расспросу сослуживцев, я узнал, что они разбирали кирпичную стену-перегородку на медицинском складе. Он был в виде железного ангара с высокими потолками. И решили ускорить процесс демонтажных работ, попросту свалить часть трехметровой стены, предварительно сделав борозду на уровне метра. В результате толчка перегородки, отколовшийся кусок стены, скрепленный арматурой, придавил рядового Баева, двое других солдатиков успели отскочить в сторону. Причем рядового Егорина оттолкнул от стены его земляк, рядовой Полупанов. С ними был младший сержант Веркеев. Он читал книгу, поскольку потянул руку и считал работу слишком тяжелой и не по своему

сроку службы. Старшим на таких работах числился командир хозяйственного взвода старшина контрактной службы Игорь Андрейко. Его и пытались подставить под ответственность командир медроты, начмед и особенно зампотыл.

Во втором часу ночи они собрались в штабе, в кабинете полковника Уско.

– Дела наши плохи товарищи, офицеры-медики – начал зам по тылу.

– Что случилось товарищ полковник? – спросил командир медроты Махмудов,

– Военная прокуратура возобновила расследование...

– А как вы хотели? Гибель военнослужащего в нарушении техники безопасности – подхватил начмед Калачан,

– Кто-то должен ответить – добавил полковник Уско,

– Товарищ полковник, моей инициативы здесь нет – ответил Махмудов,

– Меня хотите на танки толкнуть? Целого полковника! Кто за личный состав должен отвечать в медроте? Замполит! А не Зам по тылу... – повысил тон Уско,

– На момент происшествия должность пустовала – поправил начмед,

– Кто инструктировал в тот день солдат и был старшим на объекте, кого ты Махмудов назначал?

– Командира хозвзвода, старшину контрактной службы Андрейко...

– Он женат, дети есть? Кто за ним стоит? – спросил зам-

ПОТЫЛ

– Женат на нашей медсестре, дочери майора, но там семья против этого брака, ребенок у него родился почти мертвым, с патологией... – ответил командир медроты.

– Он что курит эту дрянь, траву, что ребенок родился уродом – спросил полковник

– Кто его знает, наверное, балуется по выходным, товарищ полковник – ответил Махмудов

– Вызывай сюда этого бедоносца, посулим ему школу прапорщиков или младших лейтенантов, пусть возьмет вину на себя – с уверенностью заключил полковник Уско.

Но и эта договоренность не спасла его. Военные следователи тоже не дураки были. Мне доверила военная прокуратура отксерокопировать личное дело полковника Уско и доставить им. Это был плохой знак для заместителя командира бригады по тылу. Он оказался косвенно виновным в гибели военнослужащего, так как поручил опасные строительные-демонтажные работы солдатам-срочникам, не обеспечив их средствами защиты и специнвентарём.

Перед отправкой своих солдат в военную прокуратуру я проинструктировал, чтобы они в своих показаниях при быстром демонтаже стены выставили инициатором погибшего Баева. И предупредил, что могут на них оказывать психологическое воздействие дознаватели, по несколько часов заставляя ждать, без воды, не выпуская в туалет. Повторно задавать наводящие вопросы, ловить на мелочах. Так и

случилось. Поэтому показания они заучили, выдавая одинаковую информацию. Вины их в гибели сослуживца действительно не было. Это был несчастный случай в результате нарушения требований безопасности.

Так во второй раз я отстоял себя при помощи военной прокуратуры. Судьба в лице военных следователей устранила мое второе препятствие на службе в виде несговорчивого замполтыла, полковника Уско, не подписавшего мой рапорт на офицерское общежитие. Сатисфакция была получена мною и даже более того. По его заискивающему предложению я отказался писать второй рапорт на получение общежития по причине гордости и личной неуступчивости. Дважды обращаться по одному и тому же прошению я считал унижением, даже если поступит такое предложение от начальствующего, оскорбившего меня и моего начальника в присутствии женщины. Да, и потом съемное жильё меня вполне устраивало. Можно сказать, что я торжествовал, целого заместителя комбрига по тылу отстранили от занимаемой должности. Он вынужден был болтаться за штатом и передавать дела и должность в течение полугода. Не зря я тогда сказал, что земля круглая, еще пересечёмся. Но и ещё одна моя фраза уже в адрес самого комбрига оказалась пророческой.

После возвращения из отпуска комбриг не появлялся на построениях две недели, его замещал полковник Моржов и начальник штаба полковник Горбов, который слег в госпи-

таль с нервным срывом, после своей замечательной речи на плацу по поводу силы духа, воли и психической устойчивости. Что-то подкосило негибавшего полковника, может переутомление, а может рутинная работа с огромным количеством документов, а скорее всего его настрой себя на звание универсального солдата с образцовой психикой. Больше всего по этому поводу шутили больные психоневрологического отделения.

Ходили слухи, что у генерала сломана челюсть. Нашелся смельчак на гражданке, который на замечания Храпина отреагировал по-мужски, уверенно. И закрыл ему его поганый рот с басистым тембром. Генерал же в свою очередь забылся, что он не в погонах и пред ним не его подчиненный. Может это был офицерский заговор, может месть кавказской диаспоры за повесившегося офицера Ханбетова, кто знает. Мои пожелания в адрес генерала возымели силу, уж сильно обидел он меня перед строем личного состава бригады, где к тому же стояли военнослужащие-женщины. Не могу сказать, что я был удовлетворен таким положением дел. Случай тот на плацу сильно запал мне в память, а словесное унижение не изгладилось даже со временем. Такое унижение раньше смывалось только кровью. Однако мои слова сбылись, и это сильно меня насторожило, словно я обладал особыми способностями. К тому же меня беспокоили ночные кошмары.

Я понимал, что в затянувшейся стрессовой ситуации мне нужна была поддержка. Церковь в городе только строилась

и была закрыта, полковой часовни и священника не было по штату. Снимать стресс алкоголем было нельзя, так как вредных у меня почти не было и здоровье не позволяло. Особенно это я понял после сильного похмелья, когда мы «обмывали» ребенка Алексея Зосимова. Его подруга, на которой он не успел жениться, будучи в отпуске, родила девочку и написала ему письмо. Он сразу не поверил в свое отцовство. Но, как медик высчитал сроки и все-таки признал.

В это же время второй сержант Тимур Ильдаров, с которым я снимал жилье, познакомил меня со старшей сестрой своей девушки. И посоветовал мне обратиться к ней как к психологу, чтобы не выдавать свои слабости врачам-психологам на службе в подразделении и просто выговориться и спросить совет. Как оказалось моя новая знакомая Виктория раньше практиковала гадание и знахарство. Ей было двадцать семь, но выглядела она гораздо старше из-за полноты и проблем со здоровьем. Когда Тимур взял отпуск, Алексей был на полигоне. В субботу после обеда, я пригласил Викторию на чай с конфетами.

– Привет, давно не принимал гостей, Тебе чаю или кофе? – спросил я.

– Лучше чай – ответила она.

– Извини заранее, но хочу пожаловаться тебе на жизнь, слышал, ты закончила на психолога...

– Я закончила заочно, совсем недавно, тебя интересуют практики, какого именно рода?

– Боюсь тебя спугнуть, но скорее больше парапсихологии – заключил я.

– Не считай меня ясновидящей, хотя интуиция меня редко подводила, я даже умела гадать по картам и целительство практиковала, но больше этим не занимаюсь, это против церкви, такие люди отлучаются от причастия – уверенно заявила она – и расплачиваются своим здоровьем.

– Но, может быть, ты сделаешь исключение для меня в плане предсказания – заискивал я.

– Разве только по твоему лицу я вижу обреченность, словно ты идешь по жизни, повторяя чей-то путь... Путь неблагоприятный, кого-то из своих родственников – цедила она.

– Хочешь психологическую практику, представь ты идёшь по пустыни, видишь лошадь, пасется, твои первые действия?

– Подойду, поглажу и, наверное, пойду дальше – сомневаясь, ответил я.

– Дальше лежит кувшин, ты поднимаешь его и видишь что там?

– Песок, скорее всего? – неуверенно ответил я.

– Хорошо, дальше препятствие – стена длинная высокая краев не видно, но тебе нужно дальше идти, как ты поступишь? – вопрошала, наконец, она, снимая очки и закрывая свои голубые глаза.

– Попробую вскарабкаться, а после пойду в обход...

– Вот видишь, лошадь ты не оседлал, значит, сторонись серьезных отношений или выберешь спутницу не подходя-

щую тебе для брака... Песок в кувшине – безнадежно смотришь в будущее, там могла быть живительная вода или вообще вино. А насчет стены, ты пытаешься отстоять себя, но наталкиваясь на трудности, берешь упорством и терпением. Не все так безнадежно – заключила она с улыбкой.

– Знаешь, тревожное ощущение меня не отпускает, особенно сны, кошмары, словно из снов преследуют меня две тени, поэтому в изголовье у меня стоит икона Георгия.

– Видимо, ты связан с тонким миром, может кто-то порчу наводит на тебя, но я уверена, что причину всех твоих страхов и комплексов нужно искать в твоём прошлом, в детстве. Очень часто психологическая травма детства определяет наше дальнейшее поведение, даже на уровне подсознания. – сформулировала она, с видом психолога.

– Я понял, нужно расспросить о своем детстве у родственников. А как насчет предсказания будущего, хотя бы ближайшего, какое твое впечатление обо мне?

– Могу сказать, ты подвергнешься опасности на службе и не раз, все зависит от тебя, будешь ли ты искать защиты в молитвах и осторожничать или лезть напролом и плыть по течению... Одно скажу точно – здоровье расшатается сильно, уйдешь на гражданку, а работать по специальности не станешь, будешь менять профессии...

– Я человек верующий, но церковь здесь посещать негде, она на ремонте?

– Совсем нет, это новый храм строиться в центре горо-

да, на окраине есть церквушка, сядешь на 17-й маршрут и скажешь остановить возле нее, увидишь сам, даже если проедешь до конечной, районной больницы, вернешься назад пешком пару остановок...

– А я думал, другой нет, во всяком случае, я не видел других куполов из-за озера, с войсковой части, откуда просматривается панорама большей части города, вплоть до химзавода...

– Да её просто не видно издалека, пока не подъедешь близко. Кстати, экология здесь плохая, каждый второй ребенок рождается с патологией легких, так что береги здоровье, пей молоко...

– Еще я в дорогу взял у родственницы церковный пояс – вспомнил я.

– Вот этот черного цвета? Он для покойников! Ты что не знал? Зеленого цвета для живых, синего для больных людей – повысила голос она.

– Я просто не знал этого, вот это да! – удивленно-растеряно ответил я.

– И ещё на службе найди друга-наставника, так тебе легче будет тянуть ляжку пехотного офицера – закончила она.

После такого диалога церковь я нашел и старался посещать регулярно вечером по субботам, когда был паркохозяйственный день до обеда. Там я и купил новый нательный пояс зеленого цвета с текстом 90-го Псалма.

Глава

Последствия дедовщины

В летний сезон в самый разгар отпусков, когда многие командиры батальонов, дивизионов их заместители и командиры рот брали основные отпуска, за себя оставляли на время отдыха менее опытные младшие чины. Естественно это ослабляло дисциплину, страдал правопорядок от неуставных взаимоотношений военнослужащих. Самыми запоминающимися были три случая с одинаковой травмой, полученной в драке, а именно с отбитой селезенкой. В первом случае бойца спасти не удалось, в госпитале он умер от перитонита. Двое других после полостной операций по удалению селезенки попали к нам в медроту и даже подружились как бы на фоне общей трагедии. И я пару раз сопровождал их на почтовое отделение, там они получали посылки и переводы от родных. По пути обратно они обязательно заходили в аптеку и брали витамины, пивные дрожжи и разные медикаменты на мои вопросы они сетовали на жизнь

– Да, товарищ лейтенант, знал бы, что так закончу военную службу – поделился один из них Николай Дементьев, из саперного батальона – не подписывал бы контракт.

– А что твой обидчик, получил своё – интересовался я.

– А что ему алкоголику сделается, что пехота, что дисбат, все одно, такие везде выживают – отвечал он.

– А куда дальше, работать? – продолжал я засыпать их во-

просами.

– Конечно, в охрану подамся, в частную фирму, там хоть медкомиссии проходить не надо – заключил он.

– А я не знаю пока куда, были планы в силовые структуры после службы, а теперь с инвалидностью, кому мы нужны на гражданке? – отозвался второй боец Андрей Ещенко – А мне ведь предсказывали друзья и знакомые, отговаривали не ходить в армию, что могу вернуться калекой...

– Пряма, как напорочили – добавил я – а теперь вам выбора нет, на лекарствах придется сидеть.

Жаль было по-настоящему этих ребят, таких адекватных и юных, по возрасту, они были чуть младше меня, но по расчётливости и взгляду на вещи это были зрелые самостоятельные личности. Одного сильно избил пьяный сослуживец, причем начал он его бить сонного ногами, обутыми в уставные берцы. Второго спавшим дневальным застал утром прапорщик, проверявший наряд. Он в наказание нанес сильный удар своему подчиненному в область живота, при этом на следствии показал, что метил в область груди, да и промахнулся. Выплатил он ему за отбитую селезенку изрядную сумму и получил условный срок. Обоих пострадавших комиссовали из армии с рабочей группой инвалидности, как ненужный балласт. Таковы суровые циничные последствия дедовщины в армии.

В это же нелегкое для бригады время в последний летний месяц я нашел общий язык с начмедом бригады, кото-

рого сильно гнобил генерал после того случая с построением медроты. На застолье в буфете медроты, устроенном в честь рождение его сына, я произнес красивый тост. Мне вспомнилась одна мудрая фраза о том, что мужчина, родивший сына – обретает бессмертие. Такая моя речь начмеду Калачану очень понравилась, и он похвалил мое красноречие. А после, во время очередных командно-штабных учений я помогал ему склеивать топографическую карту и наносить обстановку медицинской службы на неё. За этот неоценимый вклад, начмед бригады выделил мне стол в своем кабинете, но при условии, что я буду ответственным лицом за дактилоскопическую регистрацию личного состава бригады, а именно офицерского состава и прапорщиков. Я был занесен в письменный приказ, который возлагал на меня новые обязанности.

Теперь я стал известным человеком в рядах соединения, во всяком случае, узнаваемым. Пришлось освоить навыки откатывания пальчиков на бумагу. Явка была слабая и из штаба округа прислали инженера по дактилоскопии, пожилого отставного полковника. Он контролировал явку офицеров и прапорщиков и помогал составлять отчет о проделанной работе. Впоследствии он же и помог начмеду бригады, капитану Калачану с переводом в военную поликлинику на должность замначальника в другой город. А спустя полгода его должность была сокращена, с переводом на гражданскую.

Так я лишился своего нового покровителя и союзника, не давшего вывести меня за штат, а вернувшийся из отпуска командир медроты Махмудов стал начмедом бригады. Теперь он, заняв подполковничью должность и вовсе стал считать себя маленьким князьком, «поправлявшим штаны» генералу. У генерала Храпина было слабое здоровье, и он часто обращался за медицинской помощью к медикам.

Ходили слухи, что капитан Махмудов сделал карьеру, пройдя по головам. И если Калачана он подсел без труда, угождая генералу и подставляя своего начальника, на должность которого метил, то начало карьеры было связано с кровью. Перед тем как занять майорскую должность командира медицинской роты, он столкнулся с волевым офицером медроты, занимавшим должность старшего ординатора хирургического отделения. С этим своим соплеменником они соревновались в поддержании дисциплины и наведении порядка в роте. А после сопернику Махмудова вдруг неизвестные проломили голову на окраине военного городка, на пятчке, где располагались пивные и придорожные кафе. Но потерпевший остался жив. Более того на фоне травмы головы он предпринял попытку суицида, выбросившись из окна своей квартиры. После его комиссовали из армии по состоянию здоровья. А с документами в военную прокуратуру и госпиталь бегал я. Так заведено в армии и прописано в уголовном кодексе, если военнослужащий избегает выполнения своих обязанностей из-за травмы, на него заводят уголовное

дело по статье «Членовредительство». Дело на него закрыли и уволили в звании капитана фактически инвалидом.

О причастности к этим трагическим событиям начмеда Махмудова приводили три обстоятельства. Первое, ссора Махмудова и потерпевшего, не желавшего подчиняться тогда еще исполняющему обязанности командира медроты – ищи кому выгодно. Второе, связи Махмудова с местными криминальными кругами, промышлявшими наркоторговлей и похищением людей. И, наконец, реакция другого врача, старшего лейтенанта Султанова на замечания Махмудова, боязливо-уважительная, но при этом он при мне купил травматический пистолет с резиновыми пулями. Рустам Султанов, почти мой земляк, такой же офицер-двухгодичник, призванный на два года, дал мне понять, что опасается за свою безопасность. Такая обстановка меня серьезно настораживала.

К тому же Махмудов держал в своем подчинении одного привилегированного контрактника из местных, который на службе ничего не делал. Он редко являлся на построения, вел себя развязно, мог угрожать любому, в том числе и мне. Меня же он периодически провоцировал на драку, намекая, что я якобы хорошо знаю форму доклада и должность у меня такая стучать командиру роты и замполиту бригады. Пару раз моя внешняя интеллигентность и выдержка дала сбой, и я стал толкать его как перед дракой. На что рядовой Радченко, завидовавший моим звездам на погонах, свел

все на шутку, присел, перешел на «вы» и попросил его не бить. Так он повел себя при свидетелях напоказ. После один на один он шепнул мне, что со мной может что-нибудь произойти... К ротному, а теперь уже начмеду Махмудову обращаться было бесполезно, поскольку я понимал, что этот солдат скорее всего отдает ему часть своего довольствия и является его подопечным. Радченко входил к Махмудову без стука и отпрашивался довольно часто, при этом обращаясь к нему по должности «командир». Такого себе не позволял никто из подразделения – все к нему обращались исключительно на «вы» и по имени отчеству...

Притих он только, когда его припугнул дознаватель из военной прокуратуры, с которым я контактировал по служебным вопросам, о предоставлении административных расследований, служебных карточек и личных дел, в том числе по факту гибели рядового Баева и другим проблемным делам подразделения. Но не по моей жалобе. Сам я не имел права подавать какие-либо жалобы через голову своего начальства. На что мой прямой начальник полковник Златогиря, прежде предлагавший мне заключить контракт на капитанскую должность психолога дивизиона, пытался отстранить меня от занимаемой должности, как не справлявшегося со своими обязанностями. Но, не заручившись поддержкой нового начмеда бригады капитана Махмудова, оставил эту затею. Нового начмеда я устраивал и как курьер по штабным, прокурорским и прочим поручениям и в качестве делопро-

изводителя и просто помощника. Он больше не песочил меня, как раньше на совещаниях старших офицеров, как слабого зама командира роты, якобы способствовавшего панибратской атмосфере в подразделении, сложившейся еще до меня.

В августе, во время командно-штабных учений, я впервые выявил неуставные взаимоотношения в своей роте... Все случилось в субботу, во второй половине дня, часть подразделения находилась на полигоне. Рядовой Тимуров, который считал себя «дембелем» решил навести в роте свой порядок. Он побил сержанта контрактной службы Зенина, вступившегося за рядового срочной службы Видова. Оба отделались лишь побоями и синяками. От них я с трудом взял объяснительные в письменной форме, уровень образованности у них был очень низкий. Составил административное расследование. Но не передал его начмеду, так как тот находился на полигоне. А обратился в воспитательный отдел к помощнику комбрига по правовой работе, капитану Любимову, с просьбой помочь в составлении документов по разбирательству. Далее материалы он передал замполиту бригады полковнику Злагогиря, который опять был недоволен моей работой. На совещании он вменил мне демагогический упрёк, что важнее профилактика и предупреждение неуставных отношений в роте. Как бы там не было, а после моего расследования двухметровый рядовой Тимуров, которого сильно обижали первые полгода службы и даже кунали головой в

туалете, перестал себя чувствовать безнаказанным «дембелем» и отъявленным негодяем. И принимал боязливый вид при моем появлении в подразделении. В медроту он попал случайно, переболев тяжелой формой пневмонии, да так и остался служить в каптерке, выдавая форму больным солдатам.

Участь рядового Видова вызывала сочувствие, отец его был тяжело болен онкологией, можно сказать почти при смерти. В тот же месяц пришла телеграмма из военкомата, по которой ему полагался отпуск по семейным обстоятельствам на десять суток. Чтобы ускорить подписание рапорта я лично обратился к генералу Храпину за подписью. Генерал уже не басил как раньше, видимо еще не зажила челюсть. Он был уже не так дерзок и, увидев меня с бумагой, спросил:

– Что у тебя там, лейтенант?

– Рапорт, товарищ генерал, на отпуск по семейным... – доложил я спешно, когда он вышел из своего кабинета.

– Кто болен, отец, чем? – спросил он, читая телеграмму к рапорту.

– Онкология, то есть рак, это отец моего солдата – добавил я

– Да-а, это не терпит отлагательств – ответил комбриг, удивившись, что я так хлопочу за подчиненного, и поставил свою резолюцию на рапорте практически на ходу.

После, рядового Николая Видова, я сопровождал на вокзал и посадил в рейсовый автобус, до дома ему было совсем ни-

чего, всего двести с лишним километров. Не знаю, в последний ли раз он повидал отца, но только после его перевели в другую войсковую часть, как отказавшегося подписать контракт. А там он за неуставные отношения попал в дисбат, повторяя тем самым судьбу своего отца и старшего брата, который отбывал срок за убийство в драке. Выжить в дисциплинарном батальоне шансы, конечно, были, но вот вернуться со здоровой психикой – практически никаких.

Глава

VII

В ожидании отпуска

Осенью, после командно-штабных учений поступило новое распоряжение с Генштаба о стопроцентном переводе бригады на контрактную службу. Оно касалось всех, кроме офицерского состава. Новые четырехэтажные общежития были готовы для размещения мотострелковых батальонов, танкового и разведбата. Для остальных частей казармы переоборудовались под общежития с комнатами на шестерых человек. В подразделениях массово копировались стандартные рапорта, куда нужно было только вписать фамилию и звание. Те, кто отказывались от подписи такого рапорта, переводились в другие воинские части. Медрота лишилась шестерых своих срочников, остальные пошли на контракт, куда теперь вопреки правилам брали неопытных солдат-срочников, не прослуживших еще и года. Троице солдат-срочникам повезло – они демобилизовались, в их числе был и тот самый Тимуров, которому грозил дисбат, но дело было закрыто, чтобы не портить статистику подразделения. Я должен был сопровождать своих срочников к новому месту службы, но этого не случилось, так как меня просто забыли провести приказом. Слава Всевышнему, подумал я, ведь среди переведенных срочников был солдат, которому я съездил по лицу и по корпусу за устроенную попойку в расположении роты в предвкушении перевода. Он даже попытался

ударить меня в ответ, но хмель отнимал у него силы. Это был единственный раз, когда я не сдержался и применил рукоприкладство к подчиненному. С тех пор я дал себе зарок на службе больше никогда не применять насилие.

Больше повезло старослужащим «дембелям», их демобилизовали чуть пораньше, чтобы не переводить в другую часть. Правда, один из них потерял военный билет, но как-то добрался до дома, встал на учет в военкомат. Оттуда поступило входящее письмо о необходимости провести расследование по его утере. Мне ничего не оставалось, как письменно, в административном расследовании подтвердить, что военный билет демобилизованного солдата был утерян в штабе бригады, поскольку не был возвращен с печати отделом мобилизации и комплектования нашей воинской части.

К зиме солдаты-срочники навсегда канули из нашей бригады. Больше мне некому было приносить письма и газеты из штаба, сопровождать на почту для получения посылок. Контрактники пользовались мобильниками, писем не писали, посылки не получали, так как хорошо зарабатывали и могли ездить в отпуск.

С октября должность командира роты стал исполнять молодой капитан Пономаренко, с которым у меня сложились хорошие отношения, когда он еще был в должности начмеда танкового батальона. Он часто заступал дежурным врачом в медроте и приносил свой ноутбук на дежурство. Именно благодаря его наставлениям я лучше освоил компьютер, под-

тянул навыки по набору текста, таблиц и прочих документов.

В общем, адаптация к новым условиям с трудом была пройдена. И после выговора моего начальника, полковника воспитательной службы, бывшего партийного замполита и его лекции о субординации с нижестоящими чинами прапорщиков и сержантов, мне пришлось съехать на другое съемное жилье. Жить в одиночестве, без своих уже хороших знакомых сержантов контрактной службы Алексея Зосимова и Тимура Ильдарова. Последний, впрочем, также съехал со старенького домика к своей девушке, с которой планировал жить гражданским браком, а после расписаться. Мы на троих поделили совместно приобретенную недавно аудио-видеотехнику, мне достался большой телевизор, который теперь скрашивал мой досуг по вечерам. Долг по коммунальным платежам хозяин домика пытался повесить на меня, приличную сумму за газ, так как проверяющие проникли в дом и списали показания счетчиков. И если в прошлый раз я случайно запустил их, когда ко мне приехали сослуживцы. То в этот раз, скорее всего газовиков впустила девушка Тимура. Поэтому я отверг все его претензии по коммуналке, поскольку не имел к этому отношения. В общем, я вовремя съехал на другую квартиру.

Новые полдома, где я обосновался, были также рядом с центром города. Теперь это был добротный дом с высокими потолками, капитальным фундаментом, теплой ванной комнатой. За новое жилье вместе с небольшой коммуналкой я

отдавал почти треть своего жалования, вторую треть откладывал, высылая домой по почте. Оставшуюся часть я продал и тратил на прочие нужды, но при этом экономил средства. В отличие от солдат контрактной службы, которые жили на всем готовом. За жилье не платили, питались в столовой бесплатно. Но умудрялись тратить на сигареты, выпивку и мобильную связь все свои сбережения, снимая их со сберкнижки. На руки они получали только тысячу рублей по распоряжению комбрига. «Контрабасы», так звали контрактников, часто обновляли свои мобильные телефоны, каждые три-четыре месяца, много проговаривали по роумингу, не говоря уже о саунах – излюбленных местах отдыха солдат. В общем, деньги у них разлетались за одну-две недели. И хотя они зарабатывали со слов комбрига «сумашедшие деньги», на пользу они большинству не шли. Офицеры, кроме звездочек на погонах от солдат теперь ничем не отличались ни по форме, ни по кокарде, ни по условиям службы, а денежное содержание отличалось всего на пару тысяч. Но эти излишки тратились офицерами на материальную базу. Кто-то подкупал комиссию, другие закупали бумагу, тетради, ручки и прочую канцелярию. Я не был исключением, особенно после комиссии, выявившей недостатки в моей документации. Оказалось, что у меня в ящике по воспитательной работе отсутствовала добрая половина журналов и информационный уголок для полевого выхода. Где на плащ-палатке должны были размещаться фото президента, флаг, герб с описа-

нием, текст гимна, история нашей воинской части и прочая политинформация. Статьи расходов на материальную базу в финслужбе нашей бригады просто не было.

И если некоторые офицеры и контрактники шутили, что служба с медиками это привилегии в виде спирта, наркотиков и женщин. То в моем случае, можно сказать, что спирт был строго подотчетен и мало меня интересовал не только из-за слабого желудка, но и по причине отсутствия выходных. Лишь раз в месяц в среду у меня получалось отдохнуть от службы, выспаться, постирать форму и навести порядок в съемном жилье. Наркотические препараты в роте хранились в специально оборудованной комнате. Списывались они начмедом лично, а уж дальнейшая судьба их отслеживалась военными особистами. Особенно после того как начмед Махмудов прикупил себе новое авто – недешевую иномарку. А в плане женского пола – большая часть медиков-женщин были зрелые замужние дамы бальзаковского возраста, за исключением молодых медсестер, заступавших на сутки через трое. Одна, из которых Карина, жена контрактника Максима Андрейко, после неудачных родов была на больничном. Вторая, Анжела Амосова эффектная кареглазая брюнетка, хотя и напоминала мою школьную любовь, была старше меня, да к тому же замужем за капитаном вертолетного полка. Третья, новенькая Алена Мудракова после училища, выбрала себе в ухажеры одного из врачей. А четвертая рыжеволосая и полноватая Марина Дорофеева – была матерью-одиночкой, ку-

рила, ругалась нецензурно и выглядела немного старше своих лет из-за нервной работы медсестрой. Часто были слышны ее протяжные выкрики – «Молодой» так она звала по фамилии одного из больных психоневрологического отделения Антона Молодого. Сами больные солдатики звали ее женщина-вулкан за взрывной характер. Поэтому все преимущества тыловой службы с медицинским уклоном в полной мере, как это в шутку представлялось многим фантазёрам оставалось лишь шуткой, не имевшей под собой правдивой почвы.

В целом, так прошли первые месяцы моей изнурительной военной службы в мотострелковой бригаде, дислоцированной в провинциальном городе под старым названием «Святой Крест». По солдатским меркам я преодолел самый сложный отрезок военной службы по призыву, когда статус военнослужащего был определен словом – «дух». Предшествовала ему первая ступень, именовалась «Запах» – до принятия военной присяги. После полугода службы «Слон» – солдат любящий обильные нагрузки, в общем, первый год военнослужащий считался молодым бойцом. Меня, учитывая военную кафедру и офицерское звание, с первых дней службы за спиной прозвали «Мамонт», а обращались чаще по должности «замполит», чем по званию. Искоренить в армии эту негласную идеологию дедовщины считалось невозможным еще с советских времен.

На улице лежала осенняя листва, и мне уже стукнуло двадцать три года. Прошло больше года с момента получе-

ния мной военного билета, его теперь заменяло удостоверение личности военнослужащего, не позволявшее выезжать за пределы гарнизона. Вдруг на меня нахлынула ностальгия по прежней жизни и родному городу. Военная служба представлялась мне совсем по-другому, казалось более интересной и менее психотравмирующей и опасной. Печаль, казалось, проникла мне в самое сердце и даже печенку. Так я воспринял первую осень на чужбине, тянуло домой. Зима оказалась очень холодной. Чтобы хоть как-то отвлечься от суровой непогоды и нестерпимой действительности, я на дежурствах и в свободное время на службе стал зачитываться историческими детективами нового популярного автора. В своих романах он описывал непростой путь одного молодого чиновника из государственной полиции при царском режиме. Пару его произведений даже были экранизированы, фильмы мне удалось посмотреть только на будущий год.

Рапорт мой о переводе в другую часть был самой большой глупостью, на которую я надеялся, прослужив первые полгода. Непосредственное начальство даже отказывалось о нем слышать, пока не поступит сверху указание вместе с отношением, что такую бумагу ждут на подпись в военный округ, лично к самому командующему генералу армии Тарханову. Даже старшие офицеры, получая отношение к новому месту службы, не питали особых надежд на перевод в другую воинскую часть. Особенно после того как моему непосредственному начальнику полковнику Златогиря было отказано

в переводе на нижестоящую преподавательскую должность, с которой уходили на пенсию подполковниками. Все решали не только нужные связи, но и гроши.

Оставалось терпеть нетерпимое, ждать отпуска, чтобы отдохнуть от сложного воинского коллектива, где царила атмосфера хамства и грубости начальников, пьянства и попустительства офицеров, наглости и наркомании контрактников, опозданий женщин военнослужащих и в целом привычного вялого саботажа текущих задач всем подразделением. Хотя подразделением медицинскую роту назвать было сложно, скорее это была организация по тыловому типу, с одной стороны, особо не признающая устав, с другой стороны не особо углубленная в медицину. В общем, военный врач – это не военный и не врач, так мои сослуживцы-медики сами шутили про своих, за исключением военных хирургов, способных выполнить операцию даже в полевых условиях.

В такой атмосфере, встречая свою двадцать третью зиму, с тоской по дому в рутинных армейских буднях мне оставалось терпеть жестокую действительность. Изображать образцового строевого офицера-воспитателя, как нас по-старому называли замполита роты. И ждать начала нового учебного года по боевой подготовке и окончания дактилоскопической регистрации разведывательного и саперного батальонов, ранее отсутствовавших по причине многомесячных полевых учений. Чтобы освободиться от текущих задач и отгулять положенный отпуск за уходящий год и жить только этой

надеждой, считая долгие дни, недели и месяцы.